

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 7, История интерпретации – Бэкон и Кант

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Мы обсуждали исторические влияния на герменевтику или библейскую интерпретацию, и примерно на последнем занятии мы вернулись к самому Ветхому Завету, чтобы продемонстрировать, что интерпретация не является чем-то новым для ученых 20-го или 21-го века, которые садятся и толковать Библию, но толкование восходит к самому Ветхому Завету. Даже в Ветхом Завете мы видим, как более поздние авторы подбирали, интерпретировали и использовали более ранние тексты и вновь утверждали их для своей аудитории, и мы посмотрели на авторов Нового Завета, которые интерпретируют текст Ветхого Завета. Мы также рассмотрели раввинистический иудаизм, и мы посмотрели на ранних отцов церкви в патристическую эпоху, и очень кратко рассмотрели скачок вперед к Реформации, и во всех этих случаях мы увидели, что одной из ключевых особенностей было то, что толкователи смотрели на текст как актуальный и пытаемся сделать текст актуальным для современных читателей, не обязательно, что мы хотим повторить все их методы, но в то же время важно понимать, что они смотрят на Слово Божье, а не рассматривают его как артефакт просто интерпретировать и понимать в историческом контексте, но они также борются за то, насколько Слово Божье продолжает оставаться актуальным.

На этом занятии я хочу пойти немного дальше и рассмотреть некоторые факторы, влияющие на интерпретацию, которые не обязательно возникают в результате попытки интерпретировать библейский текст. Некоторые из них так и делают, но важно понимать, как мы уже говорили, что интерпретация не возникает в вакууме. Вы не просто садитесь и читаете текст, но когда вы это делаете или читаете текст изолированно, но когда вы делаете это, когда вы

садитесь интерпретировать библейский текст, вы делаете это как часть длинного потока. истории, длинный поток людей, которые сели и боролись с текстом, но также на вас также влияет мышление многих других людей и многих других движений, которые влияют на то, как мы понимаем, как мы читаем, как мы интерпретируем.

И опять же, некоторые из тех влияний, которые все еще влияют на нас сегодня, некоторые из этих влияний не обязательно направлены на библейский текст, и они вообще не обязательно направлены на интерпретацию какого-либо текста или книг. Некоторые из них просто пытались понять, как понять данные, как понять смысл чего-либо. Итак, что я хочу сделать, так это взглянуть на некоторые ключевые влияния, и опять же, мы просто обрисовываем общую картину и посмотрим на некоторых основных личностей и влияние, которое они оказали, особенно в период, известный как Просвещение. , когда разум и способность мыслить и рассуждать высоко ценились как способ что-то понять, как способ что-то интерпретировать, будь то научные данные или текст.

Первый человек, на которого я хочу кратко обратить внимание, — это человек по имени Фрэнсис Бэкон, а Бэкон, ранний научный мыслитель, был частью движения индуктивного научного метода. Фрэнсис Бэкон был своего рода продуктом рационализма, то есть акцента на способности человеческого разума мыслить и рассуждать и, следовательно, выводить смысл из текста. Бэкон выступал за строгое и детальное изучение научных данных эмпирическим путем.

Это означало, что интерпретатор — это наблюдатель, который изучает данные и изучает информацию, не позволяя своим личным предубеждениям или другим влияниям влиять на интерпретацию и способность понимать данные.

Наблюдатель смотрел на данные и изучал их, не позволяя этим

предубеждениям мешать. И при исследовании физических и исторических свидетельств и исторических фактов законы, управляющие этими фактами, естественным образом возникнут и раскроются, если применить правильный и строгий метод.

И что сделал Бэкон, так это предложил нам порвать с традицией, а вместо этого нам следует даже усомниться в традиции, и мы можем вернуться к самим данным. И снова, используя строгий метод эмпирического рассмотрения фактов, можно понять законы, которые управляют этими фактами, и значение этих фактов, а также то, как они сочетаются друг с другом. Сегодня, я думаю, мы видим подобное влияние в некоторых движениях в области библейских исследований, как популярных, так и иногда академических, которые делают упор на индуктивное изучение Библии.

Чтобы, строго применяя правильные методы интерпретации, тщательно исследуя данные, можно было раскрыть их истинное значение, можно было понять их истинное значение, текст раскроет свое значение. Итак, вы снова обнаруживаете акцент на том, что толкователь Библии является объективным наблюдателем, и мы смотрим на данные в тексте, мы просто смотрим на факты, и эмпирически наблюдаем то, что там есть, и применяя строгую Используя человеческий разум и мышление, мы можем вывести его значение и определить, о чем говорит текст. И поэтому, делая это, мы можем дистанцироваться от наших предубеждений, наших предрасположенностей, наших прошлых традиций и тому подобного, чтобы прийти к истинному смыслу текста.

И опять же, ряд герменевтических текстов все еще говорит об индуктивном методе толкования, и опять же, есть еще более популярные исследования Библии, которые называются индуктивным изучением Библии или чем-то в

этом роде. И снова предположение таково: я объективный наблюдатель, я подобен сухой губке, которая только и ждет, чтобы впитать данные, и, применяя правильные методы интерпретации библейского текста, я могу получить его истинный смысл, не обремененный и не подвержен влиянию моих предубеждений. Таким образом, Фрэнсис Бэкон был важным мыслителем, не столько в плане косвенного влияния на библейскую герменевтику, сколько в качестве части всего этого подхода, образца этого подхода, который позволял, применяя строгий метод интерпретации, превзойти или преодолеть свои предубеждения . и понимать данные чистым, эмпирическим, индуктивным методом.

Следующий мыслитель, с которым я хочу вас познакомить, — это человек по имени Рене Декарт. И Рене Декарт, со второй половины 16-го века примерно до середины 17-го века, с 1596 по 1650 год. Декарт, как и Бэкон, также был своего рода продуктом рационализма и подчеркивал, что знание происходит из логических рассуждений.

То есть человеческий разум способен извлекать смысл. Декарт сказал, что я — рационально мыслящее «я». Поэтому я могу смотреть на данные, могу смотреть на материальный мир и могу логически его понимать.

Декарт также оперировал с позиции сомнения. То есть ученые и философы должны избавиться от предвзятых представлений, предвзятых идей и традиций. Они должны отбросить традиции и отказаться от своих предубеждений и предположений, а также начать заново интерпретировать данные.

Итак, Бэкон и Декарт тогда исходили из предположения, что существует грубая корреляция или существует корреляция между знанием и самой реальностью. То есть рациональный, эмпирический, научный метод мог бы понять что-то

таким, какое оно есть на самом деле. Итак, существует корреляция между моим знанием и моей интерпретацией чего-либо и тем, чем это является на самом деле.

Так, например, когда я наблюдаю эту книгу, когда я смотрю на эту книгу, на то, что я наблюдаю и вижу, существует соответствие между моим знанием и моим наблюдением, и тем, что есть на самом деле, самой актуальной реальностью. Итак, еще раз, применяя строгий научный метод, мы можем стать нейтральными наблюдателями. Применяя индуктивный подход к данным, подходя к пониманию с помощью рационального индуктивного метода, мы можем подойти к ним чистым способом и понять что-то таким, какое оно есть на самом деле.

И опять же, нетрудно увидеть возможное влияние на подходы к герменевтике. Когда дело доходит до толкования Библии, тогда можно подойти к ней в соответствии с этим методом, и под этим влиянием можно подойти к ней как объективный наблюдатель, можно подойти к ней нейтрально, а затем через строгое применение правильных правил. методы толкования, посредством строгого метода герменевтики, можно затем прийти к истолкованию, которое действительно соответствует самому тексту Священного Писания. То есть я могу прийти к интерпретации, могу прийти к пониманию, могу прийти к смыслу текста, который напрямую соотносится с тем, что есть в тексте на самом деле.

Опять же, отдельно от моих собственных предубеждений, моей точки зрения, моей традиции и моих собственных взглядов. Применяя строгий метод, я могу стать нейтральным наблюдателем. Опять же, это похоже на губку, которая только и ждет, чтобы впитать данные.

Итак, когда дело доходит до герменевтики, по крайней мере, метод и подход рационализма, представленные Бэконом и Декартом, оказали влияние на интерпретацию. Итак, еще раз, если вы слышали, вас учили или вы читали, что правильный подход к герменевтике — это отказаться от своих предпосылок и предубеждений, подойти к тексту объективно и применить правильные методы интерпретации. , вы сможете преодолеть свои предубеждения, сможете понять истинный смысл текста. Во многом такой подход проистекает из этого периода рационализма, примером которого опять же являются подходы Бэкона и Декарта.

И мы могли бы еще многое сказать об этих двух людях, но я прежде всего подчеркиваю наследие, которое они оставили, когда дело касается герменевтики. Еще несколько вещей, которые можно сказать о Декарте, что касается наследия, которое он оставил, и влияния, которое он оказал, даже на библейскую интерпретацию, то, что Декарт также ввел дуализм, который впоследствии станет очень важным в герменевтике и интерпретации. и богословие. По сути, по его словам, дуализм заключался в следующем.

С одной стороны, Декарт понимал, что существует материальный мир, который механистичен, управляется законами природы. С другой стороны, он детерминирован. Но с другой стороны, Декарт придерживался свободы и автономии мыслителя, рационального мыслителя.

И это означает, что если я являюсь рациональным мыслящим «я», автономным мыслящим «я», возникает вопрос, в какой степени мое понимание зависит от моей собственной интерпретации его или от моей собственной точки зрения и моей собственной точки зрения? В какой степени человеческий разум определяет, как я буду понимать сами данные? Итак, Декарт уже поднимает этот вопрос. И одну вещь мы увидим, этот подход, Иммануил Кант, одну из

фигур, на которую мы посмотрим через минуту, Иммануил Кант разовьет это еще дальше и начнет прокладывать путь даже для современных подходов к интерпретации, которые теперь сосредоточены главным образом на читателе. Что смысл определяет читатель, что правильного смысла в тексте нет.

Но на нас настолько влияют наше понимание, наше мышление, наши предубеждения, наши традиции, наши взгляды, что мы, несомненно, прочитаем это в тексте. Итак, Декарт уже проложил путь к этому своим дуализмом между механистической вселенной и автономным мыслящим «я», что снова поднимает вопрос, в какой степени тогда мой разум определяет то, что я вижу, и мой подход определяет то, что я вижу и воспринимаю в данных? Еще одна фигура, на которую следует обратить внимание в этот период, и есть ряд других личностей, на которых мы могли бы обратить внимание и которые, возможно, оказали влияние на герменевтику. Одна из них, которую мы очень кратко упомянем через минуту, — это скептицизм, скептицизм Дэвида Юма, тот самый ничего не мог знать. Но следует подчеркнуть одну личность, потому что мы часто находим утверждения даже в учебниках по интерпретации Библии или герменевтике, которые отражают этот тип мышления, но одну личность, о которой следует упомянуть очень кратко, — это Джон Локк, ЛОКК, Джон Локк, 1632–1704 гг.

Локк утверждал, что разум — это чистая табличка, и он получает ощущения из внешнего мира. Итак, мой разум — это чистый лист, ожидающий возможности просто получить ощущения и данные из эмпирического мира во внешний мир. И еще раз, я видел бесчисленное количество учебников по герменевтике, особенно ранее, в которых говорилось, что интерпретатор, во многом как сказал Бэкон, может подойти к тексту как чисто объективный наблюдатель, с чистым разумом, разум — это чистый лист. как губка, ожидающая возможности впитать данные чисто индуктивным и чисто объективным способом.

Однако мы увидим, что одна из трудностей позиции Локка состоит в том, и мы увидим это позже у некоторых других интерпретаторов и других герменевтов, термин, используемый для тех, кто применяет или думает о герменевтике и пишет о ней, но одна из критических замечаний если мой разум — это чистый лист и просто пустая табличка, как я вообще смогу что-то понять? Необходимо иметь некоторые категории или некоторую перспективу, с которой можно рассматривать и понимать. Но если отойти от Локка, то следующая важная и значимая личность, возможно, самая значимая из всей этой группы людей, на которую мы смотрим, — это человек по имени Иммануил Кант. Иммануил Кант, живший с 1724 по 1804 год, по сути, в некотором отношении отвечал на скептицизм своего времени.

Опять же, одним из скептиков, которым он ответил, был Дэвид Юм, который вообще сомневался в достоверности любого человеческого знания. И в ответ на это Кант стремился уйти от этого скептицизма. И, по сути, он сказал, что человеческий разум является высшим источником знания.

Другими словами, объективная реальность, хотя, согласно Канту, объективная реальность может быть познана и воспринята только в том виде, в каком она соответствует познающим структурам разума. Следовательно, он идет даже дальше Декарта. Помните, Декарт как бы ввел дуализм между автономным мыслящим «я», способным рационально понимать и воспринимать данные.

Теперь Кант идет дальше и говорит: объективная реальность, то, что существует, может быть познано только благодаря категориям, которые уже существуют в сознании, благодаря структурам, которые уже существуют в уме. Другими словами, то, как обстоят дела сами по себе, как обстоят дела объективно, никогда не может быть познано. Вместо этого все мои знания фильтруются

через структуры разума и категории понимания человеческого разума, такие как категории времени, которые позволяют нам различать время, категории пространства, все они определяют, как мы видим эмпирический мир.

Итак, опять же, согласно Бэкону и Декарту, возможно, можно было бы посмотреть на объект и на то, как мы его воспринимаем и как мы его понимаем, тогда была бы прямая корреляция между моим пониманием и знанием и природой самого объекта. Теперь Кант говорит, что вместо этого разум, структуры разума определяют то, что я вижу. Итак, как я воспринимаю и понимаю эту книгу, я не могу быть уверен, что понимаю ее объективно или такой, какая она есть на самом деле, потому что именно категории и структуры мышления и рационального разума определяют, как я ее воспринимаю.

Поэтому мое понимание этого фильтруется через шаблоны понимания, категории, уже существующие в человеческом сознании. И опять же, раньше, по Бэкону, особенно у Декарта, разум мог объективно воспринимать данные такими, какими они были на самом деле, такими, какими они объективно были. Но теперь Кант говорит: нет, разум, структуры разума определяют, как я воспринимаю мир и как мир виден.

Структуры разума определяют, как интерпретируется мир. Между моим знанием и тем, что есть на самом деле, нет прямой корреляции. Я не могу быть уверен, что то, что я знаю, обязательно объективно соответствует тому, что существует снаружи.

Есть еще одно важное влияние Иммануила Канта. То есть Иммануил Кант говорил, что существует два полюса, возможно, опять-таки, ведя мышление Декарта немного дальше, существует дуализм между свободой и причинностью, или, опять же, свободой мыслящего разума и причинностью, то

есть детерминизмом, который управляли тем, как устроен мир. А для Канта полюс свободы включал в себя такие вещи, как вера, религия и Бог.

В то время как полюс причинности, противоположной стороной полюса был научный мир времени, пространства и истории. И, по Канту, ни один из них не мог влиять друг на друга. Никто не понимал веру, Бога и религию, согласно методам научного исследования, когда дело касается наук, истории и внешнего мира.

Итак, существует этот дуализм между историей и этим детерминистическим миром, а затем полюсом свободы, который включает в себя Бога, веру и религию. На самом деле, сегодня мы видим это влияние по нескольким направлениям. Например, представление о том, что вера, моя вера и религия — это очень личное.

Моя вера в Бога трансцендентна и даже независима от фактов. Тогда как история и наука тогда являются просто царством причины и следствия, т.е. для большинства это означало бы отсутствие чудес, никакого божественного вмешательства в историю. Опять же, эти два полюса были разделены.

Нельзя смешивать научные и исторические факты с областью религиозных идей, Бога и веры. И снова мы видим это сегодня, когда снова вера и вера в Бога — это нечто личное, нечто не зависящее от фактов, нечто недоказуемое. Более того, мы также видим это, я думаю, мы все еще видим наследие этого типа мышления в исследованиях как Ветхого Завета, так и Нового Завета, в дихотомии, которую вы все еще часто видите между верой и историей, особенно которая характеризовала либерализм 19-го и 19-го веков. 20 век.

И даже дальше, расхождение теологии и истории. Так , например, авторы Ветхого Завета пишут, что такое религиозная литература, что такое теологическая литература, а не историческая. И поэтому такие вещи, как Бог, разделивший Красное море, чтобы целая нация могла пройти по нему, определенно не могут быть правдой и, конечно же, не могли произойти.

Но это не имеет значения, поскольку автор интересуется богословием, а не историей. Или синоптические Евангелия от Матфея, Марка и Луки, когда они пишут богословие, они обязательно не пишут историю. Итак, вы видите продолжающееся влияние Канта в каком-то смысле в этой дихотомии между верой и историей, или, опять же, в критике Евангелия или в критике Ветхого Завета, в дихотомии между теологией и историей.

Если авторы пишут богословские документы, то их, конечно, не интересуют исторические факты или написание истории. Итак , для Канта Кант сказал, что знание состоит из опыта, основанного на чувственных впечатлениях от текста, которые в какую секунду понимаются через категории разума, которые позволяют мне организовывать данные и интерпретировать мир. И снова, главный момент, на который следует обратить внимание Канта, заключается в том, что, в отличие от Бэкона и Декарта, он предположил, что мы никогда не сможем познать вещь независимо, мы никогда не сможем познать вещь такой, какая она есть на самом деле.

Опять же, я не могу знать это так, как оно есть на самом деле. Но вместо этого я могу узнать это только через сетку своего разума, через структуры, которые уже присутствуют в моем сознании. Весь смысл и понимание фильтруются через эту сетку.

Но именно эта решетка позволяет мне понять. И это результат автономного мыслящего «я», автономного мыслителя. И так, я, мыслящее «я», определяю, как я вижу вещи.

Мы знаем вещи такими, какими они нам кажутся, а не обязательно такими, какими они являются объективно, в действительности и сами по себе.

Следовательно, в одном отношении, рассматривая это таким образом, Кант никогда полностью не избегал скептицизма, на который он отвечал. Потому что вы думаете об этом, если я не могу знать что-то таким, какое оно есть на самом деле, если мое восприятие и знание чего-то не зависит от того, какова вещь на самом деле, если нет прямой корреляции между моим знанием и тем, как что-то есть, я могу» Тогда я не могу быть уверен, что знаю что-то таким, какое оно есть на самом деле.

Таким образом, в этом отношении Кант не полностью избежал скептицизма, на который он ответил. И потом, когда дело касается природы, мира, истории, научных знаний, сверхъестественного быть не может. Опять религия, Бог и т. д.

принадлежат другому полюсу, полюсу свободы, тогда как наука, история и т. д. принадлежат замкнутому механистическому универсуму. Однако, подобно Бэкону и Декарту, Кант по-прежнему подчеркивал человеческий разум как основной источник смысла и знания.

Именно благодаря автономному мыслящему «я» автономное мыслящее «я» способно знать и понимать. Хотя, опять же, как мы сказали у Канта, познать можно только через сетку ума, те категории, которые уже есть в уме. И поэтому я не могу знать что-то так, как оно есть на самом деле, а только так, как я это понимаю и воспринимаю.

Таким образом, наследие Иммануила Канта заключается в том, что интерпретатор является центром значения. Интерпретатор, познающее «я», является центром значения. И, как я уже сказал, Кант начинает предвосхищать, Кант в каком-то смысле предвосхищает более современные подходы к герменевтике, делающие акцент на читателе, подходы, ориентированные на читателя.

Думаю, в самом начале этого курса мы упомянули, что герменевтика, по-видимому, проходит через три основных компонента интерпретации и концентрируется вокруг них. Это автор, текст и читатель.

Автороцентрированные подходы, которые фокусируются на замысле автора.

Текстоцентрированные, которые фокусируются на тексте как локусе, месте значения. И подходы, ориентированные на читателя, которые фокусируются на читателе как на том, кто понимает текст. Итак, Кант уже предвидит появление новых постмодернистских подходов к интерпретации и более ориентированных на читателя подходов, которые фокусируются на читателе, который понимает текст.

То есть смысл – в глазах смотрящего. В тексте, который мы просто абстрагируем, нет правильного, объективного смысла. Но вместо этого единственный смысл — это то, что автор, читатель понимает через категории ума, через предпосылки, предубеждения и точки зрения, которые мы привносим в текст.

Это повлияет на то, как мы понимаем и интерпретируем текст. Кажется, это уже предвидел Иммануил Кант. И второе наследие, как мы уже предположили, — это расхождение между, прежде всего, исключением сверхъестественного, когда речь идет о науках, истории и т. д.

Исключение сверхъестественного, исключение божественного вмешательства в дела истории, что, опять же, означает отсутствие воскресения, никакого разделения Красного моря для перехода целой нации, никаких чудесных событий. Более того, по отношению к этому наследием Канта является дизъюнкция теологии и истории. Что если старые авторы Нового Завета пишут богословие, они обязательно не интересуются историей или не пишут ее.

Частично это мышление восходит к Канту, который нарисовал это, работал с этим дуализмом между тем, что верно для истории и науки, и тем, что верно для сферы религии и веры в Бога. В ответ, я думаю, в ответ на Канта, когда мы думаем о герменевтике, и тогда мы суммируем вклад этих людей, которых мы рассмотрели: Фрэнсиса Бэкона, Рене Декарта, Джона Локка и, наконец, Иммануила Канта. И, как я уже сказал, в это время были и другие люди и другие личности, которые внесли не менее важный вклад в герменевтику.

Опять же, не сознательно задумываясь о герменевтике, а просто потому, что они имеют дело с тем, как мы понимаем, откуда мы знаем, будь то научные данные или письменный текст, откуда мы что-то знаем? Благодаря этому эти люди вносят важный вклад в герменевтику и герменевтическую теорию. Но еще пара замечаний, особенно о Канте, а также о других Бэконе и Декарте, а также о Джоне Локке, заключается в том, что, в частности, Кант напомнил нам, я думаю, что не существует такой вещи, как чистая индукция. Не существует такого понятия, как чисто объективный интерпретатор.

Что с помощью строгой методологии и строгого применения правильных техник можно каким-то образом интерпретировать библейский текст таким образом, что вы станете просто чистым листом, ожидающим, чтобы впитать информацию. И вы можете быть абсолютно уверены в том, что между вашей интерпретацией и объектом самого текста существует однозначная корреляция. Поэтому я

думаю, что нам нужно осознать, и мы поговорим об этом подробнее, нам нужно осознать, что не существует такой вещи, как полностью объективный наблюдатель и объективный интерпретатор.

У всех нас есть собственное понимание, предрасположенность, предубеждения, опыт и традиции, которые влияют на то, как мы читаем текст. Один из вопросов, с которыми мы разберемся позже в этом курсе, заключается в том, неизбежно ли это искажает то, как мы читаем библейский текст? Неужели нет никакой надежды понять библейский текст? Неужели мы неизбежно обречены на то, чтобы смысл существовал просто в глазах смотрящего? Не существует правильного значения текста, который мы когда-либо могли бы надеяться понять. Мы поговорим об этом позже, но, конечно, и мы увидим, что это станет еще более заметным в герменевтическом мышлении, что не существует такой вещи, как чистая дедукция, где я являюсь объективным наблюдателем с чистым листом, ожидающим, чтобы впитаться. или сухая губка, готовая впитать данные, и что я могу совершенно и чисто воспринимать что-то именно таким, какое оно есть.

Второй ответ заключается в том, что в свете аргументации Канта христиане, я думаю, захотят доказать, что Бог создал нас по Своему образу, глава 1 Книги Бытия. человеческий разум, который позволяет нам воспринимать вещи такими, какими их создал Бог. Итак, Бог — творец вселенной, а создатель человека по своему образу поместил те структуры в те категории, которые описал Кант. Опять же, мы ни к чему не можем прийти с пустым умом.

Если бы вы это сделали, вы бы никогда ничего не поняли, но сам Бог создал структуры, категории и сетку в человеческом разуме, которые позволяют нам воспринимать вещи такими, какими Он их создал. Но также христианский толкователь хотел бы признать, что мы не делаем этого совершенно и

исчерпывающе из-за грехопадения и человеческой греховности. Из-за человеческой греховности это влияет на то, как мы воспринимаем вещи.

Это влияет на то, как мы понимаем вещи. И снова возникает вопрос: означает ли это, что мы неизбежно обречены на неудачу? Означает ли это, что мы вообще ничего не можем понять? Мы разберемся с этим позже, но в рамках ответа, я думаю, большинство переводчиков, большинство христианских переводчиков, предположили бы и признали, что даже если мы не можем понять что-то совершенно и исчерпывающе, это не мешает нам понимать что-то адекватно. и существенно. Итак, подводя итог вкладу этих людей, прежде всего, наследию Канта, Декарта, Бэкона и Джона Локка, следует подчеркнуть эмпиризм и человеческий разум.

То есть, опять же, мы способны объективно интерпретировать что-то таким, какое оно есть. Мы способны объективно, используя человеческий разум, применяя строгую методологию, понять что-то. Человек способен что-то знать.

Согласно Бэкону и Декарту, между моим знанием и тем, как что-то происходит, существовала корреляция. Опять же, согласно Джону Локку, можно подойти к чему-то с чистым умом, свободным от всех предубеждений и быть способным понять что-то таким, каким оно есть на самом деле, опять-таки, применив строгий метод или методологию. Такой подход часто называют реализмом здравого смысла — еще один термин или фраза, которую вы можете встретить.

Во-вторых, Иммануил Кант, однако, немного дистанцировался: хотя он по-прежнему подчеркивал рационализм и разум, он больше подчеркивал автономное познающее «я», автономное мыслящее «я» как центр смысла. Он пошел еще дальше и сказал, что, следовательно, мы не можем знать что-то таким, какое оно есть на самом деле. Опять же, что касается Канта, он не

заходил так далеко, чтобы сказать, что мы вообще ничего не можем знать, или каждый придумывает что-то совершенно разное, а просто подчеркивал, что человеческие существа уже оснащены категориями. и структуры разума.

Разум — это сетка, которая фильтрует данные и определяет, как мы их объединяем и как мы их понимаем. В уме уже существует структура, поэтому нет прямой корреляции между моим знанием чего-либо и тем, как оно есть на самом деле. Опять же, нет прямой корреляции между тем, как я это воспринимаю и знаю, и тем, как это объективно обстоит на самом деле в действительности.

Следовательно, с этой точки зрения Кант не совсем избежал скептицизма, против которого он выступал. В-третьих, тогда следует просто упомянуть, что, таким образом, Кант оказал огромное влияние на последующее герменевтическое мышление, как в разделении между мыслящим Я и объектом интерпретации. Теперь проложен путь для акцента на мыслящем «я» как центре смысла, опять же, предвосхищая более поздние подходы, ориентированные на читателя.

Но также и последнее, его дизъюнкция веры и истории, или его дизъюнкция истории богословия, что, опять же, если библейские авторы пишут теологию, они неизбежно не пишут историю. Итак, эти люди как своего рода продукты Просвещения оставили нам наследие, подчеркивающее человеческое мышление, человеческую рациональность, человеческое мышление как способность понимать и знать что-то. Чтобы продвинуться немного вперед, не на много во времени, а немного в перспективе, я хочу обсудить еще одну важную личность, то есть Фридриха Шлейермахера, который жил с 1768 по 1834 год, в начале XIX века. 19 век.

Шлейермахер был немецким философом и богословом, оставившим свое влияние на богословие, герменевтику, а также на библеистику. Некоторые знают его как отца богословия или отца герменевтики. И мы вернемся к Шлейермахеру, я здесь кратко представлю его и расскажу о его мышлении и вкладе в герменевтику.

Но мы еще вернемся к нему, когда будем обсуждать авторский замысел. Шлейермахер, вероятно, является ключевым человеком, обсуждающим намерения автора. Помните о подходах к интерпретации, ориентированных на автора, технологии и читателя.

Большинство возвращается к Шлейермахеру как к родоначальнику авторского замысла как главной цели интерпретации. Хотя многие не обязательно согласятся или подпишутся под тем, как он подошел к этой проблеме и как он ее объяснил, большинство все равно считало бы его отцом герменевтики с его акцентом на замысле автора. Как я уже говорил, хотя он и немецкий философ и богослов, он внес вклад в герменевтику.

И Шлейермахер также писал в период и будучи ребенком эпохи Просвещения, в которых подчеркивалась сила человеческого рассуждения, сила мышления и способность человеческого разума действительно что-то знать. Другими словами, вера была в разум, а также в науку и технику. Однако, что интересно, Шлейермахер отреагировал на это, на этот акцент на вере, рассуждении и науке, и предположил, что мы не можем ограничиваться просто рациональными и научными подходами к познанию.

Но вместо этого, в отличие от просто рациональной истины и богословских догм того времени, Шлейермахер делал упор на творчество, опыт и благочестие в своем стремлении к знаниям. Другими словами, для него герменевтика — это

применение общих правил понимания, выработанных посредством пристального внимания к природе человеческого мышления и языка. Что это означало для Шлейермахера, с его акцентом на человеческую мысль, его акцентом на творчестве, его акцентом на духовном опыте, он предположил, что главной целью понимания и интерпретации было не столько понимание библейского текста или понимание текста, сколько Точно так же, как понимание автора или понимание другого человека, это человек-автор.

Чтобы разрыв между современным интерпретатором и автором, создавшим текст, мог быть преодолен с помощью герменевтики. Именно герменевтика позволила нам преодолеть эту дистанцию между нами и человеком-автором. И так, первоочередной задачей, по Шлейермахеру, была первоочередная задача — как можно точнее реконструировать или воспроизвести прошлый поступок автора.

Другими словами, по словам Шлейермахера, он сказал: да, мы смотрим на такие вещи, как грамматика текста, мы смотрим на исторический фон текста, мы смотрим на слова, но для него интерпретация была прежде всего психологической. И опять же, в силу некоторого его философского понимания, для него главной целью было даже выйти за пределы текста, и понять ход мысли автора, как бы поставить себя на место автора. Потому что, по его мнению, у нас есть что-то общее с человеком-автором.

И поэтому мы можем поставить себя на место автора, в сознании автора мы можем раскрыть истинные намерения автора при написании библейского текста. Поэтому Шлейермахер затем начинает подчеркивать, что правильный подход к герменевтике и пониманию чего-либо заключается не столько в том, чтобы просто наблюдать текст и придумать правильную интерпретацию, сколько выйти за рамки этого и психологически задать вопрос о том, что

прошлый поступок автора и то, что автор намеревался сделать. Наследие Фредерика Шлейермахера – это номер один, акцент на замысле автора.

И мы увидим, что начинается герменевтика, герменевтика, кажется, начинается с подходов, центрированных на авторе, или подходов, которые выходят за текст и восстанавливают исторический фон текста, намерение автора, начало которому положил Шлейермахер. В ряде учебников по герменевтике или в ряде учебников по толкованию Библии, которые я читал, есть подобные формулировки. Основная цель интерпретации — поставить себя на место автора, что на самом деле близко к точной цитате из одного известного мне учебника по герменевтике.

Так что текст тогда просто становится окном для понимания автора, для реконструкции авторского замысла. И снова, сегодня, даже сегодня, хотя мы можем делать это иначе, чем Шлейермахер, все же большинство переводчиков, особенно евангельских переводчиков, продолжали бы утверждать, что главная цель интерпретации - раскрыть, раскрыть замысел автора. Главный, смысл текста – это тот смысл, который задумал автор.

И опять же, мы вернемся к этому позже, когда начнем говорить о подходах к интерпретации, ориентированных на автора, текст и читателя. Но уже Фридрих Шлейермахер отстаивал точку зрения, согласно которой цель интерпретации — выявить замысел автора. Еще один аспект мышления Шлейермахера, оказавший влияние на герменевтику, — это то, что часто называют герменевтическим кругом.

А Шлейермахер говорил, что, читая текст, человек пытается понять целое, понимая отдельные части. Точно так же, понимая отдельные части, можно понять целое или понять целое. Другой способ выразить это, по мнению

Шлейермахера, заключается в понимании того, что происходит поэтапно, а не все сразу.

По мере прохождения этого круга, переходя от целого к частям, понимание приходит поэтапно. Понимание авторского замысла текста приходит поэтапно, а не сразу. Итак, мы рассмотрели конкретно, не все из них, но особенно небиблейские подходы к познанию и пониманию, которые повлияли на герменевтику.

Опять же, возвращаясь к Фрэнсису Бэкону и его индуктивному научному методу, Рене Декарту, его рационализму и научному методу, а также акценту на способности познавать что-то посредством рационального мышления, автономному мыслящему «я», Джону Локку, который предположил, что мы можем подходить к чему-то как к чистый лист, как просто наблюдение за вещами, и чистый лист, заполняемый чувственным восприятием и опытом с данными. А затем к Иммануилу Канту, который также подчеркивал рациональное мыслящее «я», автономное мыслящее «я», и все они — дети просвещения. Но в то же время Кант вводит автономное мыслящее «я», теперь с тем эффектом, что наше знание о чем-то фильтруется и зависит от категорий и структур, уже присутствующих в человеческом сознании.

И тогда Шлейермахер, Фридрих Шлейермахер, который теперь начинает подчеркивать, реагируя на справедливый человеческий разум и научный метод, теперь делает упор на опыт, набожность и творчество. И поэтому цель интерпретации, цель герменевтики теперь состоит в том, чтобы психологически восстановить за текстом авторскую интенцию, понять авторский мыслительный процесс, авторский мыслительный процесс и авторское мышление. И все это, опять же, по-прежнему влияет на наш подход и то, как мы думаем о герменевтике сегодня.

И опять же, важно понимать, что на наш подход к герменевтике влияют не только толкователи Библии, но и в более общем плане течения и исторические движения, а также то, как они боролись с тем, как мы что-то знаем, как мы понимаем, как мы воспринимаем внешнее. мире, как мы воспринимаем что-то вроде текста. Все это повлияло на наши герменевтические учебники и на то, как мы думаем об интерпретации Библии. На следующем занятии мы выйдем за рамки этих фигур эпохи Просвещения в 17, 18 и 19 веках.

И мы перейдем вперед и начнем рассматривать некоторых более поздних мыслителей в отношении теологии, философии и герменевтики и того, как это влияет на наш подход к библейскому тексту. А на следующем занятии мы начнем с изучения человека, который, вероятно, является одним из самых влиятельных, Ханса- Гурга Гадамера. Итак , на следующем занятии мы продолжим рассматривать наши герменевтические корни, некоторые влияния, которые сформировали наше сегодняшнее представление о библейской интерпретации Ветхого Нового Завета.